
НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЦЕЛЬ ИЛИ СРЕДСТВО?

Поджхан Махаммад Азиз

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6., Москва, Россия, 117198

В статье на примере рассказа А.П. Чехова «Дочь Альбиона» рассматривается национальный стереотип как средство выражения художественного замысла. Ключевые особенности стереотипа получают особое преломление в мире художественного произведения на основе главного свойства стереотипа проводить границу между «своим» и «чужим».

Ключевые слова: художественный текст, стереотип, А.П. Чехов, «Дочь Альбиона», художественное средство, национальный характер.

Вопрос, поставленный в заглавии статьи, сразу может быть конкретизирован и пояснен отсылкой к рассказу «Дочь Альбиона» А.П. Чехова: является ли содержанием данного произведения сама «дочь Альбиона», вынесенная в название, или же автора интересуют иные проблемы, для которых образ «стереотипной англичанки» является лишь фоном и средством выражения определенного художественного замысла? Кроме того на материале этого рассказа можно установить особенности использования национального стереотипа в произведениях как самого А.П. Чехова, так и других авторов.

Сцена, запечатленная автором рассказа, почти статична: «барин с мамзелью-гувернанткой рыбу ловят». Картина разворачивается перед глазами уездного предводителя дворянства Федора Андреича Отцова, который, с одной стороны, является другом Ивана Кузьмича Грябова и зовет его «водку пить», а с другой — сочувствует даме и испытывает некоторую неловкость от поведения своего приятеля, краснея «от смеха и от конфуза». Таким образом, читатель видит в Отцове наблюдателя, наиболее адекватного себе участника ситуации и оценивает происходящее, учитывая его реакции. В то же время Отцов в некотором смысле представляет «партию» Грябова: он тоже русский помещик, не знающий языка, на котором говорит мисс Тфайс, испытывающий чувство неловкости за себе подобных при «глумлении» Грябова над гувернанткой (последний, в отличие от Отцова, «конфуза» не испытывает). Грябов и Отцов, с одной стороны, и англичанка — с другой, в представленной картине позволяют читателю видеть оппозицию двух цивилизаций, русской и британской, и наблюдать сцену отчасти со стороны (как это делает Отцов).

Несмотря на название, главным действующим лицом де факто выглядит Грябов, организующий композицию рассказа. Все точечные события, продвигающие действие вперед, совершаются им. Он удит рыбу и обнажается на берегу. Он ведет диалог с Отцовым, в ходе которого вполне красноречиво высказывает свои чувства по отношению к англичанке. Он считает данное существо женского пола предметом, с которым полностью отсутствует когнитивный контакт. Характерно,

что мотивация действий Грябова и его душевные переживания со всей возможной обнаженностью демонстрируются читателю, в то время как внутреннее состояние англичанки автор оставляет полностью скрытым за внешней (и, вероятно, внутренней) невозмутимостью, неизменностью ее положения и непонятностью «длинной английской фразы».

На основе событийной канвы рассказ можно было бы назвать «Наука иностранцам», «Скотина», «Не Англия», «Без галстука», «Русский колорит», «Же ву при, Мисс Тфайс», в крайнем случае «Интернациональная рыбалка» или просто «На берегу», при этом каждый из вариантов был бы мотивирован образом Грябова. Однако автор, несмотря на событийное преобладание данного «источника действия», дает в качестве названия для рассказа вариант «дочь Альбиона». Это видимое противоречие указывает на стремление автора отразить представленную картину в английском зеркале, в котором со всей наглядностью отражается русский типаж.

Сам Грябов, в свою очередь, тоже представлен в рассказе неким зеркалом, отражающим англичанку. В этом отражении запечатлена богатая палитра черт и аспектов видения, доступных русскому провинциальному помещику, как его изображает Чехов: «кикимора», «стерлядь», «чертовка», «ни бельмеса по-русски», «от одного носа в обморок упадешь», «стоит, как чучело, и бельмы на воду таращит», «дурища», «чертова кукла», «пахнет от нее какою-то гнилью», «каналья», «тритон», «длинный гвоздь». Некоторые «качества», замеченные Грябовым, даже повторяются в тексте (например, «кикимора», крючкообразный нос, незнание русского языка), становясь, таким образом, своеобразным комическим мотивом.

В этом взаимном отражении совершенно понятен Грябов, и только слегка приоткрыта завеса, скрывающая мир англичанки: «зевнула, переменила червячка и закинула удочку»; «услышав свое имя, медленно повела нос в сторону Грябова и измерила его презрительным взглядом. С Грябова подняла она глаза на Отцова и его облила презрением. И все это молча, важно и медленно»; «задвигала бровями и замигала глазами. По желтому лицу ее пробежала надменная, презрительная улыбка».

Столь энергичное чувство Ивана Кузьмича, с одной стороны, и аффективная невозмутимость и закрытость Уильки Чарльзовны — с другой заставляет читателя пытаться восполнить возникающую асимметрию и додумывать мысли и мотивации англичанки. Однако о том, что же происходит в этот момент в сознании представительницы неведомого Альбиона, на основании каких рассуждений и оценок она сохраняет невозмутимость, читателю остается только гадать. Попытки понять ситуацию со стороны читателя находят твердую почву только в поведении Грябова и автоматически устремляются в его сторону, поддаваясь авторской интенции изобразить не английскую невозмутимость, а русского человека — главный объект авторского внимания.

Безусловно, Грябов интересует автора гораздо больше, чем «героиня». Для Чехова проявлять беспричинную иронию и сарказм по отношению к англичанке было бы бессмысленным и даже оскорбительным. Представленная дочь Альбиона, несмотря на титульную роль в рассказе, используется автором в качестве средства

для создания образа Грябова, т.е. в качестве зеркала, отражающего как его физическую наготу, так и душевные свойства. Грябов как бы предстает во весь свой русский помещичий рост перед неведомой английской надменностью.

На фоне Грябова мисс Тфайс выглядит странной, как все непонятное и чужое, зато сам герой на ее фоне предстает диким и искренним, недалеким и праздным, бестолковым и наивным, стоящим несколько поодаль от европейских и общечеловеческих ценностей в своей провинциальности и душевной рыхлости. Между ним и англичанкой стена, усугубленная общей статичностью картины и отсутствием каких-либо возможностей преодолеть (по крайней мере, со стороны Грябова) отчуждение. Стену образуют факторы языка, воспитания, всей цивилизационной почвы, которую каждый из них представляет. Даже любовь к рыбной ловле, общая для действующих лиц сцены, не способна подтолкнуть их к сотрудничеству и контакту. В атмосфере общей статики («сонный лакей», «Вокруг обоих царил гробовая тишина. Оба были неподвижны, как река, на которой плавали их поплавки»; в финале Грябов снова сидит на песочке и удит рыбу) эта разобщенность приобретает символические черты несовместимости двух миров, из которых мир Грябова понятен читателю и довольно непригляден (при общей неподвижности русская помещичья жизнь скрывает за внешней сонностью эмоцию огромной силы, а также бессмысленность и даже глупость), в то время как мир англичанки просто закрыт. В финале Грябов остается на берегу удить рыбу. Автор больше ничего о нем не говорит. Только в восприятии Отцова обнаруживается слабый намек на какие-то изменения: в начале рассказа, увидев помещика на берегу, предводитель «прыснул», затем хохотал заодно со своим другом, а в финальной сцене, в конце рассказа, Отцов от этой картины «отвернулся». Смех у Чехова, как нередко бывает, приобрел осязаемый привкус горечи.

Вся образная система рассказа построена на том, что и Грябов, и мисс Тфайс представляются в рассказе носителями национальных стереотипов. Комический эффект достигается доведением до крайних проявлений особенностей каждого и их столкновением. Однако нарочитое внимание автора к Грябову заставляет читателя понимать и исследовать по преимуществу его поведение и мотивации (доступные читателю по общности культурного пространства). Англичанка выглядит полностью закрытой и оттого недоступной для понимания. Грябов оказывается единственным предметом читательского интереса, и именно он создает событийную канву и обеспечивает комический эффект: читатель видит его отражение в английском зеркале.

При этом нужно признать, что автор не борется с имеющимися стереотипами и не разрушает их. Ни Грябов, ни англичанка не обнаруживают потенциал к развитию. Конфликт цивилизаций остается без разрешения, комичным оказывается только внешний рисунок события. А внутренний, доступный наблюдателю (читателю) смысл этого конфликта представляется скорее саркастическим и в конце концов не смешным. Статика взаимодействия стереотипов в таких формах печальна в целом, но гораздо более печально то, что находится в фокусе авторского внимания — Грябов с его бестолковым и наивным глумлением («скотина», по выражению Отцова).

Вероятно, Чехов нашел бы средства и способ показать неоднозначность и сложность образа англичанки, но это явно не является его целью. Автор использует готовые клише из когнитивного фонда русского человека и вовлекает их в свою композиционную схему. Представить комичным сам факт обнажения помещика при даме возможно только при условии работающего стереотипа, который, таким образом, становится главным элементом организации данного чеховского нарратива.

На данном примере можно удостовериться, что многие авторы в своих работах связывают проблему национальной идентичности (которая также интересует Чехова) с проблемой национального стереотипа (1). Как и всякий стереотип, он является своеобразным социальным конструктом, имеющим место в сознании автора и читателя, выступает источником мотивации действий героев и читательского восприятия.

Однако здесь же стоит отметить и то, что национальный стереотип, отражающий представления нации о самой себе или о другой, как правило, не является нейтральным, и это видно из монологов Грябова. Стереотипы представления укоренены в среде и общественном мнении. Среди составляющих, которые исследователи выделяют в стереотипе, для данного случая наибольшее значение имеет эмоциональная составляющая [7. С. 15]. Эмоциональность стереотипа обусловлена тем, что он всегда несет в себе оценку — положительную или отрицательную [6]. Именно это свойство используется автором при создании «Дочери Альбиона» как в отношении читателя, так и в отношении персонажей.

Как подчеркивают исследователи, главное в стереотипном мышлении — стремление отделить себя и «своих» от «других», свои национальные признаки от тех, которые якобы принадлежат «аутсайдеру» (2). В этом смысле, на наш взгляд, наиболее глубоко к проблеме соотношения национального стереотипа подходит немецкий ученый Ф.Б. Шенк (3), сравнивающий миф и стереотип. Хотя в его трактовке национального мифа можно увидеть черты, характерные и для стереотипа (миф — это средство коллективной авторефлексии, средство конструирования национальной идентичности, он организует центральный элемент дискурса «свой — чужой»), в сравнении выявляется принципиальное различие этих понятий, состоящее в утилитарности стереотипа, в направленности на современное актуальное конструирование самоидентичности и своего поведения. Именно это свойство объясняет поведение Грябова перед лицом стереотипной иностранки.

Однако вопрос, поставленный в статье, относится не к факту существования стереотипа, а к различным формам использования стереотипных образов для реализации художественного замысла автора.

По-видимому, в рассказе «Дочь Альбиона» (а также в других произведениях, где об особенностях русских автор предпочитает говорить в связи с иностранцами) писатель использует готовый, клишированный образ иностранца, но это не является для него самоцелью. Данное клишированное восприятие образа иностранца подчиняется цели раскрытия образа самого Грябова.

Сам автор «Дочери Альбиона» изображает англичанку человеком холодным, рассудочным, предельно сдержанным, невозмутимым, умеющим отгородить себя от окружающих стеной равнодушия и даже презрения.

В связи с этим можно вспомнить стереотипный образ англичанина как прагматика и практика, хорошо знающего свою выгоду. Ср.: эти качества понадобились Достоевскому для того, чтобы в «Униженных и оскорбленных» показать драму прагматичного иностранца, основавшего свое дело в России, но преданного родной дочерью и не простившего ее, даже когда она жестоко расплатилась за свой поступок, вызванный доверчивостью и слепой любовью к негодяю. Писатель тонко обыгрывает «английскость» своего персонажа — господина Смита, гордо замкнувшегося в своем горе и презрении к недостойной дочери (к которой он спешит только в минуту ее смерти) и затем стойко переживающего собственную нищету, сохраняя в отношениях с окружающими холодность, сдержанность и подчеркнутое чувство собственного достоинства. В приведенных примерах речь идет об усложнении и исследовании, о повышенном внимании к внутреннему миру иностранца. Для Достоевского и Лескова стереотип иностранца является главной темой и самоцелью риторического воздействия на читателя.

В случае же чеховской англичанки читатель не ощущает этнографического интереса («это не наше, это интересное»), а пожалуй, иллюстрирует другую мысль: «вот что значит русское, вот оно какое наше».

Иными словами, четкостью и решительностью в определении сущности «среднестатистической англичанки», как преподносит ее герой, просматривается стремление осознать и показать с юмором и сарказмом свою национальную идентичность, свой взгляд на русских со стороны русского, но с использованием «англосаксонской точки зрения». В реализации этой точки зрения проявляется известный психологический феномен: не принимая каких-то черт в образе жизни «другого», автор ищет некий «противовес» в своих соотечественниках, разоблачая стереотип восприятия как соотечественников, так и англичан. Играя на диссонансе, автор использует уже готовую матрицу, чтобы удивить читателя мерой несовпадения родных национальных черт с инокультурными формами.

Таким образом, для интерпретации чеховской англичанки значение имеет не сам факт появления образа иностранки, а застывшая стереотипность этого образа, используемая в качестве авторского приема, заставляющего русского читателя взглянуть на русского провинциального помещика через призму иной культурной нормы. Другими словами, касаясь проблемы национальных особенностей, писатель закономерно призывает посмотреть на собственную нацию не со стороны, а изнутри, однако неожиданный и верный ракурс достигается созданием фона, упоминанием иных ценностей и иных особенностей, выделяющих и фокусирующих родные (хоть и не приглядные) черты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Oakes P.J., Haslm S.A., Turner J.C.* Stereotyping and social reality. — Blackwell: Oxford-Mass., 1994; *Ottavi V., Lee Y-T.* Accuracy: A neglected Component of stereotype Research // *Stereotype accuracy: towards appreciating group differences.* Lee Y-T., Jussim L.J., McCauley C.R. (eds.). — Wash., 1995.
- (2) Напр., *Шихирев П.Н.* Исследование стереотипа в американской гуманитарной науке // *Вопросы философии.* — 1991. — № 5.
- (3) См.: *Шенк Ф.Б.* Политический миф и коллективная идентичность. Миф Александра Невского в Российской истории (1263—1998) // *Ab Imperio.* Казань. — 2001. — № 1—2.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Катаев В.Б.* Проза Чехова: проблемы интерпретации. — М., 1979.
- [2] *Чудаков А.П.* Мир Чехова: Возникновение и утверждение. — М., 1986.
- [3] *Сухих И.Н.* Проблемы поэтики А.П. Чехова. — Л., 1987.
- [4] *Oakes P.J., Hasim S.A., Turner J.C.* Stereotyping and social reality. — Blackwell: Oxford-Mass., 1994.
- [5] *Ottavi V., Lee Y.-T.* Accuracy: A neglected Component of stereotype Research // Stereotype accuracy: towards appreciating group differences. Lee Y-T., Jussim L.J., McCauley C.R. (eds.). — Wash., 1995.
- [6] *Pickering M.* Stereotyping: the politics of representation in fiction texts. — N.Y., 2001.
- [7] *Stereotypes and Nations / Ed. by Teresa Walas.* — Cracow: International Cultural Centre, 1995.

NATIONAL STEREOTYPES IN AUTHOR'S ARTISTIC WORLD: PURPOSE OR MEANS?

Pojhan Mohammad Aziz

Russian University of Peoples' Friendship
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

In the article is considered the national stereotype as a means for expressing an artistic idea upon the example of A.P. Chekhov's story «Daughter of Albion». The key features of stereotype (as a concept which came from sociology and psychology) receive special refraction in the world of a work of art, on the basis of the main character of a stereotype to draw the line between "domestic" and "alien".

Key words: art text, stereotype, A.P. Chekhov, «Daughter of Albion», art means, national character.